

Антоний

**Словарь к творениям
Достоевского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А72

А72 **Антоний**
Словарь к творениям Достоевского / Антоний – М.: Книга по Требованию,
2014. – 186 с.

ISBN 978-5-517-83220-7

ISBN 978-5-517-83220-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

въ самомъ жалкомъ, въ самомъ глупомъ видѣ? — Таково-же отношеніе общества, современнаго Достоевскому, и общества, современнаго намъ, къ его твореніямъ, несмотря на то, что Достоевскій не только безжалостно бичеваль общественные предразсудки или, точнѣе, самый духъ Европы, ея цивилизацію, а затѣмъ и общество русское, его сферы — университетскую, земскую, военную и т. д., но и предлагаль (хотя съ мудрою постепенностью въ продолженіе всего періода его учительства) такія перспективы, такія средства общаго и личнаго нравственнаго возрожденія, которыя подъ перомъ другого, подъ перомъ не геніальнаго романиста, а публициста или тѣмъ болѣе священника, кромѣ пренебрежительной насмѣшки, ничего не вызвали бы въ публикѣ; впрочемъ, даже и насмѣшки не вызвали бы, а просто не были бы удостоены вниманія. А здѣсь другое дѣло. Довольно вспомнить о томъ, что Достоевскій въ самомъ популярномъ своемъ романѣ, въ концѣ 70 хъ годовъ, т. е. во время сильнѣйшаго преобладанія позитивизма и матеріализма, явился проповѣдникомъ, странно сказать, — идей монашескихъ и устами идеальнаго старца Зосимы заявили, что спасеніе Россіи выйдетъ изъ монастыря отъ инока. Конечно, многіе общественные авторитеты перенесли такой приговоръ надъ своими идеями и надъ своимъ вліяніемъ труднѣе, чѣмъ спириты, рукоплескавшіе своему убійственному осмѣянію въ „Плодахъ Просвѣщенія“ Л. Толстого, но „Братьями Карамазовыми“ Достоевскаго восхищались больше, чѣмъ „Плодами Просвѣщенія“. Автора буквально на рукахъ носили, когда печаталась и затѣмъ закончилась эта повѣсть. На литературныхъ вечерахъ его пріивѣтствовали восторженнѣе, чѣмъ самую знаменитую европейскую примадонну на сценѣ, а его поведеніе было, какъ выразился тогда

одинъ проповѣдникъ, шествиѣмъ триумфатора, дотолѣ никогда не виданномъ ни въ Петербургѣ, ни въ провинціи.

Да, велика власть геніальнаго поэта надъ русскими сердцами: она выше власти ихъ самолюбія и предрасудковъ. Поэтому — генію все дозволено говорить и писать.

Что сказать по поводу сего о нашемъ обществѣ? Быть можетъ, и его осмѣивать за такую непослѣдовательность? Пусть кто хочетъ, осмѣиваетъ но мы скажемъ: честь и слава тому народу, тому обществу, которое всѣмъ поступается предъ самооткровеніемъ нравственной правды, а постигать послѣднюю и открыть ее умамъ и сердцамъ людей — это удѣлъ геніевъ и по преимуществу геніальныхъ поэтовъ. „Обличай премудра и возлюбить ты“. — Въ чемъ другомъ, а въ этомъ проявленіи нашъ народъ премудръ, и наше общество сохранило въ себѣ это драгоцѣнное свойство народной души, хотя и отдалилось отъ нея во многомъ другомъ,—въ очень многомъ.

Но мы уже упомянули, что предсказанія Достоевскаго о современныхъ событіяхъ встрѣчены были съ недоувѣріемъ и насмѣшками. Должно это заявленіе сильно ограничить. Собственно злобныя, даже ругательныя критическія статьи появлялись со стороны извѣстнаго литературнаго лагеря на всякую повѣсть нашего писателя, но онѣ производили мало впечатлѣнія на публику и на молодежь. Повѣсть „Бѣсы“, появившаяся около 50-ти лѣтъ тому назадъ, въ то и въ послѣдующее время раздѣляла успѣхъ прочихъ твореній Достоевскаго и испытывала вражду отъ его литературныхъ противниковъ наравнѣ съ прочими его повѣстями и статьями.

Весьма понятно, почему до временъ первой революціи грозныя предсказанія Достоевскаго мало тревожили ея поклонниковъ. Когда печатались „Бѣсы“ и позже, до начала 20-го вѣка, государственный строй въ Россіи ка-

зался еще столь крѣпкимъ, что защищать радикальную революцію и нужды не было: напротивъ, представители оппозиціи, одни искренно, а другіе лицемѣрно, старались убѣдить общество, что никакихъ кровавыхъ переворотовъ они не желаютъ и таковыхъ у насъ не будетъ, а проповѣдывались послѣдніе совсѣмъ зелеными юнцами, да еще за границую, и на подобныхъ заговорщиковъ смотрѣли, какъ на совершенно особую, чуждую всему обществу шайку фантазеровъ. Но вотъ наступилъ 1905 годъ. Приходилось людямъ протирать свои сонные глаза и припоминать, что нѣчто подобное предсказано великимъ писателемъ съ оговоркой: „мы до этого не доживемъ, а наши дѣти все это увидятъ“ (19, 344 по изданію Товарищества Просвѣщенія). Однако нигилистическая революція подходила, высоко и смѣло поднявши голову, и хотя авторитетъ Достоевскаго оставался столь непоколебимъ, что унижать его геній не приходилось, а все-таки отозваться на указанія не очень многочисленныхъ, но серьезныхъ людей было нужно. Революцію приходилось хвалить, а мрачныя предсказанія о ней Достоевскаго снова стали извѣстны повсюду. — Что же оставалось говорить представителямъ литературнаго момента? Мы слушали о семъ публичную рѣчь одного профессора словесности около 1910-го года. Онъ — поклонникъ Достоевскаго, но и революціи также. Что-же? Онъ сказалъ то самое, что и другіе единомышленники газетнаго большинства. Романъ „Бѣсы“ — неудачное, въ раздраженіи написанное произведеніе нашего писателя, который взглянулъ на революціонное движеніе не по существу его, а только со стороны его изнанки, со стороны его подонковъ, и съ ними отождествилъ самое движеніе, въ общемъ искреннее и почтенное. О томъ, что въ „Бѣсахъ“ выражено то-же самое, что и въ „Дневникѣ Писателя“ за

1873 — 77 года, также въ „Преступленіи и Наказаніи“ и „Бр. Карамазовыхъ“, — о томъ, конечно, умалчивалось.

Но когда пронесся первый революціонный громъ въ Мартъ 1917 года, то наше потерявшее голову общество и студенчество заговорили противъ предсказаній автора „Бѣсовъ“ гораздо смѣлѣе. „Вотъ“, кричали они: „Достоевскій предсказывалъ революцію съ антропофагіей (людоѣдствомъ), а она у насъ водворилась, но безъ казней: русская революція—безкровная“. Публика продолжала быть довольной, пока она могла сама направлять революцію и командовать въ Россіи. Еще бы! Всякій желающій дѣлался министромъ, комиссаромъ, общественнымъ ораторомъ и т. д. — Но, когда при такихъ управителяхъ разбрелась армія, оставивъ неприятелю фронтъ и миллиардное имущество, когда неприятель оторвалъ отъ Россіи десятокъ губерній, а потомъ и то, что осталось отъ нея, начало трескаться, и вскорѣ колоссальное государство распалось на десятки „самостоятельныхъ республикъ“, — тутъ наши торжествовавшіе ребеллянты закрихтѣли. Однако не въ этомъ познали они свою бѣду. Послѣдняя раскрылась передъ ихъ глазами тогда, когда вслѣдъ за адвокатами, земцами, учителями и студентами явились *мужички* и сказали: мы вовсе не согласны на одну только замѣну прежнихъ господъ министровъ и графовъ разночинцами; равенство, такъ равенство; вы перемѣнились мѣстами съ прежними камергерами; теперь не угодно-ли и вамъ самимъ перемѣниться своимъ положеніемъ съ нами—мастеровыми, матросами и мужиками; освободите намъ ваши квартирки, автомобили и театры, намъ тоже любопытно вкусить отъ всего этого, а особенно—власти и денегъ. О безкровности революціи уже не стало и помину: кровь полилась не рѣчкой, какъ 120 лѣтъ тому назадъ во Франціи, а цѣлымъ

моремъ; на русскихъ пошли инородцы, русскіе пошли на русскихъ; стали убивать сотнями завѣдомо непричастныхъ къ дѣлу заложниковъ; однимъ словомъ, произошло все то, что теперь предъ нашими глазами. . . — Прежнее ликующее настроеніе смѣнилось уныніемъ и отчаяніемъ; къ безчисленнымъ убійствамъ или казнямъ присоединились многочисленныя самоубійства и умопомѣшательства. Потеряли увѣренность и спокойствіе самые вожди революціи; едва ли возможно найти сотню людей на Руси, которые бы одобряли то, что произошло въ ней за эти два года. — Вотъ тутъ-то опять схватились за предсказанія Достоевскаго. Ихъ признали, какъ сказано, пророчествомъ; люди кляли себя за безумное подтачиваніе прежняго государства; осыпали горькими укорами другъ друга, взаимно называя себя виновниками бѣдствія; одни валили всю вину на Думу, другіе на земство, третьи на университетъ, четвертые на народную школу, пятые на прессу, шестые на евреевъ.

Не будемъ разбирать, кто болѣе правъ въ этихъ обвиненіяхъ; думаемъ, что всѣ правы, но лучше всмотримся, такъ-ли безнадежно положеніе нашего бывшаго отечества, такъ-ли беспросвѣтно погибла Святая Русь, какъ это кажется теперь многимъ, — едва-ли не большинству.

Мы говорить будемъ не отъ себя. Должно спросить того мыслителя, который такъ вѣрно предсказалъ то, что совершилось. Мы не хотѣли тогда ему вѣрить, и пропали. Повѣримъ же теперь и найдемъ путь къ общему возрожденію.

Съ такими мыслями я началъ нынѣшней зимою составлять краткій указательный „Словарь къ твореніямъ Достоевскаго“, выписывая изъ нихъ сжатія изреченія по слѣдующимъ отдѣламъ: 1) воспитаніе—дѣти и юношество, 2) народъ и общество, 3) духовенство и мона-

шество, 4) революція и безбожіе, 5) призывъ общества къ возрожденію: Пушкинъ и славянофилы, 6) пороки нашего общества, его обычаевъ и законовъ, 7) православіе и ереси, 8) Россія и Европа, война, иностранцы, 9) русская женщина и ея назначеніе, 10) о религіи вообще и 11) собственныя свойства автора и его психологическія наблюденія надъ людьми и жизнью вообще.

Какъ видить читатель, это не систематическая программа, а скорѣе замѣтки для памяти. И дѣйствительно, я записалъ ихъ на бумагу не по заранѣ принятому плану, а отмѣчалъ при чтеніи всѣхъ 21 томовъ автора (отсутствовалъ только томикъ „Записки изъ Мертваго Дома“, но можетъ быть и его удастся перечитать ко времени выхода этихъ статей въ печать).

Почему взялся я за это дѣло, не по моей специальности значащееся? Если указать на внѣшнія причины, то онѣ заключаются въ томъ, что я вотъ уже 7-ой мѣсяць интернированъ за-границею и изъ немногихъ книгъ, бывшихъ около меня, рѣшилъ сдѣлать возможное употребленіе, чтобы не сидѣть праздно въ своемъ заключеніи; по своей специальности я закончилъ для печати уже нѣсколько работъ, а вопросъ о нравственномъ возрожденіи общества и отечества, думается, долженъ быть отчасти спеціальнымъ для всякаго просвѣщеннаго чело-вѣка: въ этомъ внутренняя причина появленія предлагаемыхъ статей.

ГЛАВА I.

ЧТО ИМЕННО ПИСАЛЪ О СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ ДОСТОЕВСКІЙ И КАКУЮ БУДУЩНОСТЬ ЕЙ ПРЕДСКАЗЫВАЛЪ.

Итакъ, Достоевскій предсказалъ то, что совершается предъ нашими глазами вотъ уже болѣе двухъ лѣтъ. Мы не будемъ воспроизводить того плана русской революціи, которая изложена въ „Бѣсахъ“ ея поборниками, ни того разительнаго сходства ея первыхъ приемовъ и послѣдствій съ тѣмъ, что произошло теперь, на 50 лѣтъ позднѣе; но все же приведемъ изъ нашего словаря нѣсколько изреченій автора о характерѣ будущихъ бунтовъ въ Европѣ и въ частности въ Россіи.

Достоевскій признаетъ нигилизмъ и революцію явленіемъ въ Россіи совершенно наноснымъ, выросшимъ въ Западной Европѣ на почвѣ борьбы буржуазіи съ пролетаріями при потерѣ тою и другими высшихъ цѣлей жизни, кромѣ исканія удобствъ и наслажденій. Россіи эта борьба чужда; втравить въ нее, какъ во все скверное, можно народъ только со внѣ, путемъ настойчиваго развращенія его, но и то ненадолго. Затѣмъ народъ опомнится и не только самъ возродится нравственно, но возродитъ собою и Европу, которая и теперь наканунѣ своей гибели, гибели своей цивилизаціи. — При всемъ томъ Достоевскій утверждалъ, что эта общеевропейская революція начнется въ Россіи.

„Европейская революція“, говоритъ Достоевскій, „начнется съ Россіи, ибо нѣтъ у насъ для нея надежнаго отпора ни въ управленіи (правительствѣ), ни въ обществѣ“ (13, 40). „Безбожный анархизмъ близокъ: наши дѣти увидятъ его“ (19, 344). „Интернаціоналка распорядилась, чтобы европейская революція началась въ Россіи (13, 90), и если нигилистическая пропаганда у насъ столь безуспѣшна, то это по крайней глупости и неопытности пропагандистовъ“. (21, 496).

Вопреки надеждамъ нашихъ либераловъ, что революція будетъ безкровною, Достоевскій предсказывалъ ея кровавый ужасъ, потемнѣніе человѣческой совѣсти, попраніе всякой человѣчности вообще (какъ и Пушкинъ въ дополнительной главѣ къ „Капитанской дочкѣ“), безцеремонный и безнаказанный грабежъ и общественный голодъ. — Все это описано въ „Снѣ Смѣшного Человѣка“, но еще обстоятельнѣе въ снѣ Раскольникова („Преступленіе и Наказаніе“): люди, желая водворить на землѣ всеобщее единеніе, поднимаютъ возстаніе, низвергаютъ власти, но потомъ возстаніе обращается въ междоусобную войну, при которой враждующія части въ свою очередь подвергаются внутреннему распаденію: междоусобіе начинается среди каждой враждующей партіи, послѣднія распадаются вновь и вновь, и, наконецъ, водворяется война всѣхъ противъ всѣхъ, причемъ люди уже забыли, за что они сражаются, съ кѣмъ именно и для чего; страдаютъ ужасно, но продолжаютъ ожесточенно биться. — Знаменателенъ этотъ вѣщій сонъ анархиста, сосланнаго за принципиальное убійство на каторгу. Однако, въ твореніяхъ нашего писателя имѣются и прямья изреченія о томъ же. Онъ говоритъ устами своихъ героевъ о революціонерахъ: „начнутъ гордую Вавилонскую башню, а кончатъ антропофагіей“ (16, 443). „Аги-

таторы пролетаріевъ будутъ просто на грабежи звать своихъ послѣдователей“ (21, 64). Въ частности о русскихъ агитаторахъ: „русскіе европейцы готовы на любую жестокость, если имъ докажутъ, что это нужно для цивилизації“ (21, 48). „У насъ возможна такая аберація (искаженіе) совѣсти“. (21, 48). Революціонеры противъ морали: сперва де накормимъ, а потомъ спрашивай добродѣтель, но имъ себя не накормить — вернутся къ намъ просить корму: свобода и сытость двѣ вещи несоединимыя. Въ голодѣ и бѣдствіяхъ они испугаются своей свободы и придутъ отдаваться къ намъ въ рабское послушеніе (16, 434, 435). Такъ предсказываетъ католическій прелатъ 16-го вѣка.

Вотъ какой будетъ кровавый и жестокосердый размахъ будущей революціи по Достоевскому, къ которому присоединится голодъ. Но сохранить ли она обѣщанную „свободу совѣсти“? Напротивъ: внутренняя пружина революціонныхъ движеній вполне убійствена для такой свободы во всѣхъ странахъ міра, а въ Россіи, гдѣ такъ сильна религіозная стихія и отношеніе нашихъ либераловъ такъ враждебно къ ней (и вообще къ жизни народной), — самая же революція питается злобою противъ Бога и въ этой злобѣ ея движущій нервъ: революція въ Россіи не столько экономическое движеніе, даже не политическое, сколько противорелигіозное и противонародное, противорусское. . . Вотъ почему она и раскроется въ такихъ картинахъ жестокаго ужаса и звѣрствъ. Приводимъ указанія изъ твореній нашего писателя: — „Отвергнувъ Христа, люди хотятъ ввести справедливость, а кончатъ тѣмъ, что зальютъ міръ кровью“ (17, 64). „Разрушатъ храмы, зальютъ міръ кровью, а потомъ испугаются.“ (16, 440). „Соціализмъ не экономическая теорія, а атеистическая: Вавилонская башня“ (16, 44). — Если сіе въ из-

вѣстной степени приложимо ко всѣмъ народамъ, то въ народѣ русскомъ въ этомъ именно состоитъ все существо революціоннаго движенія. Достоевскій выражается приблизительно такъ: „Въ Россіи бунтъ можно начинать только съ атеизма (12, 314), и Бѣлинскому, какъ социалисту, должно было прежде всего пойти противъ христіанства (19, 159); онъ говоритъ, что І. Христось теперь бы примкнулъ къ социалистамъ (19, 16), — какъ и 13-ти лѣтній мальчикъ Коля Красоткинъ.“

Таковъ характеръ революціи русской — не экономическій, а противохристіанскій, мистическій, даже демагогическій: вѣдь ее разрабатывали у насъ впродолженіе 50 лѣтъ или даже 70-ти вовсе не пролетаріи, а обеспеченные интеллигенты, иногда даже прямо богачи. Особенно характерно эта идея выражена нашимъ писателемъ въ типѣ инженера изъ семинаристовъ—Кириллова, который подробно развивалъ идею своей жизни и своего самоубійства, какъ бунта противъ Бога. Такой же бунтъ въ видѣ самоубійства хотѣлъ поднять противъ Творца чахоточный юноша-подростокъ Ипполитъ, но былъ во время удержанъ и вразумленъ. Кирилловъ утверждалъ, „кто побѣдитъ страхъ смерти, сдѣлается богомъ“ (12, 157), — не въ смыслѣ вѣчной жизни, а въ томъ, что самая непокорность челоуѣка Творцу, выражающаяся въ рѣшимости на самоубійство, выводитъ его изъ положенія подчиненности Богу и чрезъ то онъ дѣлается самъ для себя богомъ. Здѣсь бунтъ ради самаго бунта противъ Бога. На западѣ эти элементы революціоннаго богоборчества тоже имѣются, какъ пояснялъ Великій Инквизиторъ, но западные люди давно стали нравственными материалистами, и общественная жизнь далеко отклонилась отъ религіозныхъ интересовъ, обратившись въ классовую борьбу буржуазіи и пролетаріата,